

Указ

Янь Байлоу действительно нуждался в помощи.

Хотя он стоял прямо, тон его был ровным — ни заискивания, ни высокомерия, — а выражение лица выглядело безупречным, пальцы, сжимавшие рукоять ножа, слегка подрагивали.

Не от страха.

От усталости.

Я заметил под его глазами две глубокие тени. Это были не следы бессонницы за пару дней — таковы побочные эффекты долгого подавления сна с помощью пилюль. Золотая плакетка на его поясе была начищена до блеска, но на краю рукава темнело небольшое пятно застарелой крови, уже засохшей и превратившейся в бурые разводы.

— Командир Янь, — я отложил палочки для еды, — когда вы в последний раз спали?

Янь Байлоу замер — судя по всему, он никак не ожидал, что Святой начнет разговор именно с этого.

— Семи дней назад, — честно ответил он.

— Что произошло семь дней назад?

Он на мгновение смолк, затем достал из-за пазухи рулон шелкового свитка и развернул его на столе.

Это была карта.

Карта Северного Региона.

Местонахождение Равнины Белых Костей было обведено киноварью, а за пределами круга три расходящиеся стрелки указывали даты каждого расширения. Последнее произошло три дня назад, и граница зоны почти вплотную подошла к ближайшему городу. Рядом с городом значились четыре иероглифа: Цинчжоу, восемьдесят тысяч душ.

— Три дня назад Равнина Белых Костей раздалась наружу на тридцать ли, — произнес Янь Байлоу. — С такой скоростью через семь дней город Цинчжоу будет поглощен. Восемьдесят тысяч простых смертных и три тысячи практикующих в городе — они просто не успеют эвакуироваться.

— Каково мнение императорского двора?

— Двор намерен отправить войска. — Янь Байлоу свернул карту. — Но я убедил Его Величество сначала обратиться к вам.

Лю Руянь подалась вперед:

— И как же ты убедил?

— Я сказал, что если двор пошлет войска, это равносильно признанию, что справиться с Равниной Белых Костей он не в силах. Стоит создать этот прецедент, и впредь ни одна секта перестанет ставить двор во грош, — прямо ответил Янь Байлоу. — Но если Святой лично разрешит это дело, все будет иначе.

— То есть?

— Святой — не человек двора и не принадлежит ни к одной из сект. Если Святой вмешается, это будет проявлением милосердия и долгом чести, который двор останется вам должен. Как ни крути, в убытке мы не останемся.

Я посмотрел на него.

Этот человек даже не пытался скрывать свои расчеты, произнося слово «использование» с такой непринужденной легкостью, будто дышал. Но от этой прямоты почему-то не возникало отторжения.

— А вы честны.

— Врать Святому нет смысла, — возразил Янь Байлоу. — Вы способны заставить любого говорить правду, а если я скажу сам, то хотя бы сэкономлю один шаг.

Он говорил о вчерашнем происшествии, когда пьянчуга устроил дебош в поселке. Слухи распространяются быстро. Впрочем, верна лишь половина: моя способность Слова обретают форму закона срабатывает пассивно, это не активный навык.

Однако это заблуждение пока можно не развеивать.

Я указал на табурет напротив:

— Садитесь. Вы ели?

— ...Еще нет.

Лю Руянь уже успела крикнуть хозяйшке, чтобы принесли еще одну пару палочек и чашку. Янь Байлоу присел, посмотрел на стоявшую перед ним дымящуюся свинину в соевом соусе и обжаренную зелень, на мгновение засомневался, затем снял перчатки и взял палочки.

Ел он быстро, но аппетит выглядел вполне пристойным — сказывалась армейская привычка делать все четко и без лишних движений. Опустошив больше половины пиалы, он отложил палочки и снова поднял голову; казалось, усталость в его глазах немного рассеялась.

— Теперь можно говорить.

Янь Байлоу достал из рукава нефритовую пластинку и положил ее на стол. Поверхность пластинки покрывала сеть трещин, а края были обугленными, словно ее опалило что-то жаркое.

— Это передал наш последний лазутчик, приставленный к внешним рубежам Равнины Белых Костей три дня назад. Как только передал, связь оборвалась.

Мужчина влил внутрь каплю духовной энергии, и над пластинкой возникло обрывчатое изображение.

Картинка сильно тряслась, словно запись велась на бегу. На фоне простиралась серовато-белая пустошь, земля потрескалась, и из трещин сочилась бледно-пепельная дымка. Где-то вдалеке смутно вырисовывалась человеческая фигура, стоявшая на гигантском скелете.

Лица этого человека рассмотреть не удавалось.

Была видна лишь рука, взметнутая высоко над головой.

В руке он сжимал тонкий длинный предмет.

Я подался ближе, вглядываясь, и смутно разглядел кисть — ее кончик был густо испачкан тушью. Человек вывел в пустом пространстве один иероглиф, и весь мир задрожал. Под конец изображение зафиксировалось на клочке неба: густые тучи, окутывавшие Равнину Белых Костей, от этого иероглифа раскололись на огромные куски.

Солнечный свет струился сквозь пробоину, освещая лицо незнакомца.

Черты по-прежнему оставались неразличимы.

Виднелась лишь легкая улыбка в уголке рта.

Изображение на пластинке резко оборвалось.

На постоялом дворе воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечи.

— Этот человек, — голос Янь Байлоу упал почти до шепота, — мы подняли все архивы, но не нашли никаких данных о его личности. Он словно из ниоткуда возник на Равнине Белых Костей. Он провел там по меньшей мере три месяца, и все это время границы равнины неуклонно сжимались. Но три дня назад он внезапно остановился. И тогда Равнина Белых Костей пошла вразнос.

— Выходит, то, что он скоро умрет — не ваших рук дело?

— Мы даже не знаем, кто он такой, — горько усмехнулся Янь Байлоу. — Но судя по оценке лазутчика, его хватит от силы на семь дней. В тот день, когда он рухнет, Равнина Белых Костей поглотит Цинчжоу.

Лю Руянь неожиданно поднялась:

— Ты только что сказал — он писал в пустом пространстве?

— Да.

— Какой иероглиф?

— Лазутчик не разглядел. Увидел лишь, что стоило черте опуститься, как тучи рассеялись.

Лю Руянь медленно повернула голову ко мне, и выражение ее лица стало весьма странным.

— Сюй Ань. В тот день, когда ты стал Святым, ты писал иероглифы в небе?

Я остолбенел.

День обретения святости. Павильон Свитков. Заливкой золотого света. Я действительно взял древесную ветку и чертил что-то на земле. Что именно я тогда написал, сейчас вспомнить было абсолютно невозможно — в те мгновения голова шла кругом.

Но если...

Если этот человек тоже пользовался кистью. Если его сила исходила из того же источника, что и моя. Если десять лет назад он одновременно спас и меня, и Шэнь Цзинчжэ.

То кем он мне приходится?

До сих пор хранивший молчание Шэнь Цзинчжэ вдруг заговорил:

— Тебе не кажется это странным?

Все перевели на него взгляды.

— Десять лет назад. Ровно за десять лет до того, как ты стал Святым. Он спас тебя, спас и меня. Спустя десять лет ты обретаешь святость, и он тут же объявляется на Равнине Белых Костей, используя точно такую же способность противостоять злобе, как у тебя. Сроки не сходятся.

Он замолчал на мгновение, чеканя каждое слово:

— Если только... он не знал заранее, что ты станешь Святым.

Пламя свечи на станции качнуло.

Зрачки Янь Байлоу едва заметно сузились. Лю Руянь прикрыла рот рукой. Я смотрел на треснувшую нефритовую пластинку на столе, мысленно прокручивая заново увиденный в самом конце образ: человек на горе костей с улыбкой на губах, словно трехтысячелетняя злоба стояла не больше малейшего движения его бровей.

Кто же ты такой?

— Шэнь Цзинчжэ, — Янь Байлоу резко повернулся к нему. — То, что ты назвал «такой же способностью» — речь об умении Слова обретают форму закона?

Шэнь Цзинчжэ не ответил, но сама тишина звучала как ответ.

Янь Байлоу глубоко вздохнул, поднялся, поправил одежду и отвесил мне глубокий поклон. То была не придворная вежливость, с которой он переступил порог минуту назад, а нечто куда более древнее и суровое: руки сложены крест-накрест, большие пальцы прижаты друг к другу, корпус согнут до пояса.

— Командир Стражи Сюаньлюй Янь Байлоу от лица восьми тысяч жителей Цинчжоу просит Святого отправиться на Север.

Я глядел на его согнутую спину, на запекшееся кровавое пятно у него на обшлаге, на тени под глазами.

— Я и так собирался туда.

— Младший чиновник знает, — выпрямился Янь Байлоу. — Поэтому я привез подарок.

Он повернулся и крикнул в сторону выхода.

Занавеска постоянного двора снова качнулась, и двое воинов Стражи Сюаньлюй внесли тяжелый железный ящик. При падении на пол он издал глухой стук — судя по звуку, вес был немалый. Янь Байлоу откинул крышку: внутри аккуратными рядами лежали нефритовые пластинки, каждая была опечатана сургучом, а поверх печатей стоял золотой штемпель Стражи Сюаньлюй.

— За последние десять лет Стража Сюаньлюй собрала все досье о таинственном человеке в черном. Всего сто сорок три тома, охватывающих семнадцать провинциальных управ и тридцать девять инцидентов, — произнес Янь Байлоу. — По дороге я провел поиск по ключевым словам: «черные одежды», «плащ», «скрывает лицо», «пользуется кистью». После перекрестной проверки отобралось семь записей, связанных с ним.

Он вытащил из-за пазухи самую верхнюю пластинку и влил в нее духовную силу.

Проявились свет и тени.

Запись первая: двенадцать лет назад, Побережье Восточного Моря. Рыбацкая деревня подверглась нападению морских чудищ. Человек в черном плаще вышел из морской пучины и кистью вывел иероглиф прямо на лбу чудовища, после чего тварь рухнула на колени и отступила. Очевидцы утверждали, что после этого мастер сильно кашлял кровью.

Запись вторая: десять лет назад, тылы Секты Лазурного Облака — та самая ночь, когда спасли меня и Шэнь Цзинчжэ. В ту же ночь защитный массив секты был на тридцать дыханий подавлен неизвестной силой, а стража у ворот ничего не заметила. Дух-хранитель спал восемьсот лет — почему же он не проснулся той ночью? Да потому, что его подавили. Кто способен подавить защитный массив бессмертной сектантской обители с трехтысячелетней преемственностью?

Запись третья: восемь лет назад, у входа в Бездны Демонов. На краю пропасти нашли выведенную кровью строчку: «Цзинчжоу дозволено выжить». Рядом валялась расколотая надвое кисть.

Запись четвертая: пять лет назад, Лес Ядовитых Миазмов Южного Края. Последнее достоверное наблюдение: какая-то черная цепь увлакивала человека в черном в самую глушь

топей. Охотник-очевидец рассказывал, что перед этим незнакомец оглянулся, улыбнулся уголкам рта, а губы его беззвучно сложились в фразу: «Еще не время».

Изображение растаяло.

В комнате воцарилось молчание. Палочки Шэнь Цзинчжэ в какой-то момент переломились пополам — не сломаны пальцами, а беззвучно рассечены его собственной затаенной ци меча.

— Цинчжоу дозволено выжить, — тихо повторила Лю Руянь. — Восемь лет назад он уже знал имя Шэнь Цзинчжэ. Он знал, что ты станешь Святым, знал, что Шэнь Цзинчжэ — Демон Меча, знал, что спустя десять лет вы оба окажетесь здесь. — Она посмотрела на меня, ее глаза слегка покраснели. — Сюй Ань, кто он тебе такой?

Я приоткрыл рот, но не смог вымолвить ни звука.

Потому что и вправду не знал. В моей памяти не было этого человека, ни малейшего следа. Но двенадцать лет назад он харкал кровью на морском берегу, десять лет назад одновременно вытащил меня и Шэнь Цзинчжэ у задней горы, восемь лет назад оставил кровавую надпись у Бездны Демонов, пять лет назад сгинул в ядовитых испарениях. А теперь он один стоял на Равнине Белых Костей перед лицом трехтысячелетней злобы — и силы его иссякали.

А затем велел ворону пролететь две тысячи ли и доставить лишь одно послание: захватить по пути миску вонтонов.

— Командир Янь, — я поднялся.

— Слушаю.

— Этот ящик с досье я забираю. А с вашей Стражи Сюаньлюй — с вас полноценный обед.

Янь Байлоу на секунду замер, а затем в уголках его рта промелькнула легкая улыбка:

— Идет. В самом большом трактире Цинчжоу, на ваш выбор.

— А теперь о серьезном. — Я вышел к порогу постоянного двора и взглянул на ночное небо Севера. Ни звезд, ни облаков — лишь сплошная, неразбавленная темнота. Ворон неизвестно когда снова опустился мне на плечо, и его темно-красные глаза светились впотьмах двумя углями. — Какой путь отсюда до Равнины Белых Костей самый быстрый?

Янь Байлоу подошел рядом и указал на север:

— По тракту на север двести ли до Хребта Расколотой Души, а перевалишь через него — сразу начнется окраина Равнины Белых Костей. Только вот на хребте...

— Что там?

— Стоит указ.

— Чей указ?

— Трехтысячелетней давности, — в голосе Янь Байлоу проскользнуло редкое для него предостережение. — Последний Человеческий Император Великой Чжоу погиб в той великой битве на Равнине Белых Костей. Умирая, он ценой собственной жизни оставил указ: никому, кроме Святого, ступить на Равнина Белых Костей не дозволено.

Он посмотрел на меня.

— За три тысячи лет все культиваторы, пытавшиеся прорваться силой, погибли на Хребте Расколотой Души.

— Значит, вы пришли ко мне не только ради Цинчжоу, — догадался я. — А потому, что преодолеть этот указ по силам лишь Святому.

Янь Байлоу помолчал с мгновение, а затем опустился на одно колено. Командир Стражи Сюаньлюй, на глазах у подчиненных, преклонил колени в грязи провинциального постоялого двора.

— Прошу Святого открыть путь.

Ворон на моем плече взмахнул крыльями. Шэнь Цзинчжэ шагнул мне за спину, и его ржавый меч уже сам собой скользнул из ножен: по лезвию пробежал низкий, вибрирующий гул, будто пробуждалось нечто дремавшее века. Лю Руянь сжала мою руку — ее ладонь была горячей.

Я поднял взгляд на северное небо. Место, запечатанное ценой жизни Человеческого Императора три тысячи лет назад. Человек, начавший расставлять пешки двенадцать лет назад, человек с улыбкой в уголке рта среди грозовых туч. И горячая миска свиных вонтонов, остывающая на кухне лапшичной.

— Выступаем на рассвете.

(Конец главы 8)

<http://bllate.org/book/21206/2146455>